

Яков Минченков

Мясоедов Григорий Григорьевич

Яков Минченков

Мясоедов Григорий Григорьевич

«Public Domain»

1928

Минченков Я. Д.

Мясоедов Григорий Григорьевич / Я. Д. Минченков — «Public Domain», 1928 — (Воспоминания о передвижниках)

ISBN 978-5-457-13072-2

«...Мясоедов был столпом передвижничества. Собственно, у него родилась идея образования Товарищества передвижников. Он приехал от кружка московских художников в Петербург, в Артель художников, возглавляемую Крамским, добился объединения питерцев с москвичами в Товарищество передвижных художественных выставок и был самым активным членом его до последних дней своих. Как учредитель Товарищества он состоял бессменным членом его Совета...»

ISBN 978-5-457-13072-2

© Минченков Я. Д., 1928
© Public Domain, 1928

Содержание

От автора	5
Мясоедов Григорий Григорьевич	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Яков Данилович Минченков Мясоедов Григорий Григорьевич

Памяти ушедших... Да нет же, не говорите так! Они лишь ушли от нас, но никак не умерли. Ведь то, чем они жили, осталось у нас и после них в их творениях. И разве мы не имеем с ними тесного общения и по сию пору? Разве не дарят они нас своею радостью и не в них мы ищем утешения в своих несчастьях? Они останутся вечно живыми для нас и наших потомков, а потому будем говорить о них лишь как об ушедших. И мы уйдем, но счастье наше в том, что каждый из нас оставит частицу своего «я» другому поколению, и оно помянет нас, поверьте, добрым словом!..

Из бесед с Н. Н. Дубовским

От автора

Передвижничество как явление большого общественного порядка, имевшее свое историческое обоснование, безусловно, сыграло огромную роль в общей культурной жизни нашей страны, в истории ее искусства.

Третьяковская галерея, составленная главным образом из работ художников, именовавшихся передвижниками, остается вечным памятником их деятельности в области родного искусства, а неиссякаемый интерес к творчеству передвижников со стороны всей огромной народной массы свидетельствует о высокой ценности их произведений.

Однако роль передвижничества еще недостаточно отражена в литературе: мало обрисованы деятели этого направления, немногие из передвижников представлены в монографиях, общая же масса передвижников, имена менее значительные остаются в тени, мало известны обществу. Но и они все же участвовали в великом деле передвижничества, были носителями идей передвижничества, отражавших идеи тогдашнего передового либерального общества, и потому заслуживают внимания. Художники, улавливая пульс современной им жизни и отображая его в своих произведениях, в то же время были сами действующими лицами в различных ролях по расстановке своего времени, среды или группировки, к которым они принадлежали.

Представленный в окружении своей среды, художник становится понятнее и в своем творчестве, в котором мы подмечаем новые черточки, на какие раньше не обращали внимания.

Личность автора часто лучше познается из мелочей его повседневной, бытовой обстановки, случайных эпизодов, чем из длинных биографий, лишенных характерных черт, присущих данному лицу.

В продолжение двадцати лет мне пришлось находиться в среде Товарищества передвижников, в тесном общении с большинством членов Товарищества. На моих глазах проходила их работа, и я был свидетелем их частной жизни.

Отдавая дань глубокого почтения памяти художников, полвека боровшихся за широкое распространение искусства в родной стране, я пытаюсь воскресить их образы в своих литературных набросках.

Может быть, мои воспоминания наметят общую картину жизни Товарищества, с ее борьбой, трудом, славой, сомнениями, идейными конфликтами.

Эта жизнь самоотверженных работников искусства, полная глубокого содержания, заслуживает внимания общества.

Мясоедов Григорий Григорьевич

Мясоедов был столпом передвижничества. Собственно, у него родилась идея образования Товарищества передвижников. Он приехал от кружка московских художников в Петербург, в Артель художников, возглавляемую Крамским, добился объединения питерцев с москвичами в Товарищество передвижных художественных выставок и был самым актив-

ным членом его до последних дней своих. Как учредитель Товарищества он состоял бесменным членом его Совета.

Я застал Григория Григорьевича в Товариществе во вторую половину его жизненного пути, когда человек как бы останавливается, оглядывается и, усталый, медленно идет дальше.

Мне кажется, что последующий путь для Мясоедова был тяжелым. Он брел, разбитый сомнениями, разочарованный, брел одиноко, потеряв веру в людей.

Внешность Мясоедова живо стоит в моей памяти. Высокий старик с умным лицом, длинным и немного искривленным набок носом, с сухой, саркастической улыбкой тонких губ, прищуренными глазами. Голос у него был громкий – бас, но уже надтреснутый от старости. В речи – оригинальные, передовые мысли, парадоксы, часто ирония или едкий сарказм. С Мясоедова Репин написал своего Грозного.

Биографии Мясоедова я не знаю, но, видимо, ученические годы он провел в нужде. Я слышал от него такие воспоминания об его академической жизни: «Жил я, как и большинство студентов Академии художеств, на Васильевском острове в бедной комнате. Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники, – я с товарищем раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам – эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины. Зарабатывали на обед и ухаживали за булочницей, которая нам казалась не менее прекрасной, чем Форнарина Рафаэлю. Обедали на Неве, на барке, где давали за шесть копеек щи с кашей без масла и за восемь копеек – с кашей на масле. Там же обедал и прославившийся уже, выходивший тогда на конкурс Е. Сорокин, к живописи которого мы относились с благоговением. Однажды мы не утерпели и обратились к Сорокину с вопросом: «Скажите, на каком масле вы пишете свои этюды так, что они у вас не тускнеют?» Сорокин, уплетая кашу, ответил: «На всех маслах».

Режим в Академии был жестковат. Ректор и профессора держали себя «олимпийцами». В то время ректором был Бруни, автор «Медного змия». К нему студенты приносили свои эскизы прямо на квартиру, чтобы не беспокоить его, заставляя выходить в мастерскую. Ставили работы на пол и с трепетом ожидали суда. Однажды произошел казус с одним вновь поступившим в Академию поляком. Вместе с другими он вошел впервые в гостиную ректора, поставил свою работу и галантно протянул руку ректору. «Этого не требуется», – важно произнесла ректорская персона.

Академию Мясоедов, видимо, окончил хорошо, так как жил и работал потом в Италии, вероятно, как стипендиат Академии. За границей русские художники-стипендиаты чувствовали себя привольно. Из воспоминаний Мясоедова об Италии видно, что и он проводил там время не хуже других русских пенсионеров Академии.

Новые тенденции в искусстве, главным образом в литературе, привели вернувшегося из Италии Мясоедова в Артель, организованную Крамским, где для живописи уже был намечен новый путь – с отражением литературных тем.

В картинах Мясоедова чувствуется его гражданственность, отражение современности с определенной окраской демократизма, пропитавшего все передовые слои общества.

Таковы его «Чтение манифеста», «Земство обедает», «Самосожжение». В них отразился Мясоедов-шестидесятник, выполнявший заказ на современные литературные темы; но в Третьяковской галерее есть и другая его вещь, без всякой предвзятой тенденции, – вечерний пейзаж: рожь, на вечернем небе край уходящей тучи. По меже бредет одинокая фигура нищего. Картина полна глубоко пережитого искреннего чувства; в ней поэзия, и ее все помнят. Она подкупает и заражает зрителя мирным, общечеловеческим чувством. По этой картине можно судить, что Мясоедов был не только думающим, но и глубоко чувствующим художником.

Думается, что идеи, которые проповедовал Мясоедов, со временем покажутся несовременными и выдохнутся; то, чему учил Мясоедов-гражданин, отойдет в прошлое, но то, что проповедовал Мясоедов – художник-поэт, останется навсегда неотъемлемой частью души человеческой, как нечто вечное.

Мясоедов любил музыку, разбирался в ней и сам играл на скрипке или, участвуя в квартете товарищей-передвижников, – на альте. Любимыми композиторами его были классики: Гайдн, Моцарт, Бетховен, Глинка.

Где бы ни жил Мясоедов – всюду пристраивался к музыкальному кружку. В музыке он находил отдых и забвение от своих дум, от наступавшего разлада с жизнью.

«Мажор меня не трогает, в большинстве пустота, – говорил Мясоедов, – живу, лишь когда слышу правдивый минор, отвечающий всей нашей жизни».

В обществе Мясоедов был остроумным, находчивым, интересным, но в то же время едким в крайней своей откровенности, а часто озлобленным. В глаза говорил непозволительные по житейским правилам вещи. И надо было знать и понимать его, чтобы не чувствовать себя оскорбленным при некоторых разговорах с ним.

«Все мы лжем и обманываем друг друга во всех мелочах нашей жизни, и когда я говорю правду, то, что чувствую, на меня сердятся, обижаются», – говорил Мясоедов. Презирал он так называемое высшее общество, царский двор и особенно президента Академии художеств князя Владимира, которого называл жандармом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.